

Представляется необходимым актуализировать именно такой путь сознания у представителей некоренного населения. Адаптируясь к сложившейся данности, имеет смысл укреплять в системе ценности горожан те свойства традиционной культуры, которые обуславливали экологическую устойчивость.

Изучение слова в составе и ореоле мифологемы – всё чаще становится актуальным социокультурным фактором.

Примечания:

1. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. – Екатеринбург, 2003.
2. Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в истории русской культуры и литературы XX века. – Пермь, 2000.
3. Баранов Н.Н., Бугров Д.В. Горшков С.В. и др. Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. – Екатеринбург, 1995.
4. Няганские родники: Стихотворения, проза. – Серов, 2000. [Цитируются строки следующих авторов сборника: Моисеева В., Романовского М., Седельниковой Л., Старцевой М., Шамро Н.]
5. Мифология хантов. – Томск, 2000.

© Харитонова Е.В.
г. Екатеринбург

ЗАВОД КАК ТИПИЧНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА НА УРАЛЕ

В русском языковом сознании заводом принято называть «промышленное предприятие, обычно крупное» [1:309], а в переносном значении – «людей, работающих на заводе» [1:310]. Примечательна этимология этого слова: «Завод (промышл. предприятие). Искон. В совр. значении известно с XVI в. Производное от завести «устроить, оборудовать»... Первонач. обозначало действие по глаголу, затем – «то, что заведено» и далее – «завод». Ср. предприятие, учреждение, заведение и т. д. (от предпринять, учредить, завести и др.)» [2:90]. Специфика уральского осмысления этого понятия заключается в том, что оно осознается не только как «промышленное предприятие», но и как традиционный (заведенный, устроенный) способ жизни. Подчеркнем: заводом называется не только пространство промышленного комплекса, но и горнозаводское поселение рядом с ним. Горные заводы возникают на Урале с начала XVIII века. История Урала как горнозаводского края начинается со строительства Невьянского (1701), Каменского (1701), Алапаевского (1704), Уктусского (1702–1704) заводов. На протяжении XVIII–первой половины XIX вв. на Урале сложился особый горнозаводской тип культуры со своими специфическими формами организации социальной жизни в крае, связанными с промышленным освоением Урала, строительством заводов и особым типом землевладения, со своими сложившимися социальными группами – крепостными, зависимыми не от конкретного помещика, а от завода, и землевладельцами (государством или заводчиками-помещиками). Люди, живущие здесь, идентифицировали себя именно с горнозаводской культурой.

На Урале завод выполняет жизнеустроительную функцию. Так, «Наркис Матвеевич Мамин, отец писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, священник прихода Висимо-Шайтанского завода, человек образованный, серьезно и широкомыслящий, говорил о заводе с уважением и восхищением: «Человек, в первый раз пришедший сюда, не может быть не удивлен громадностью и разнообразием, дополненными порядком, чистотой, изяществом фабричных устройств завода. Сколько времени, труда и капитала и сил было потрачено, чтобы строить и строить» [3:80].

Завод – одно из смысло- и структурообразующих понятий художественного мира П.П. Бажова. В жизни рабочего заводу придается исключительный статус. Показательно, что все сферы жизни человека характеризуются через завод. Сравним:

«Привычка к фабричным работам сказывалась и во время покоса. Рабочие редко вели дело в одиночку, в большинстве объединялись в группы, чтобы легче и скорее покончить с покосом. Группы составлялись с приблизительным учетом рабочей силы семьи; иногда в целях уравнивания вводилась оценка работы рублем. Дело шло дружно, быстро и весело» [4:III-65].

«На вопрос о городе он отвечал:

– На другие города наш не походит. Он *вроде самого главного завода*. На железе родился, железом опоясался и железом кормится» [4:III-124].

«Прокормиться при огромных лесных и водных богатствах, имеющихся в Сысертской заводской даче, как будто можно было и независимо от заводского производства. Но редко это удавалось. Счастливы, которым не приходилось «ломать шапки» перед заводским начальством, казались в глазах остального населения какими-то необыкновенными людьми. Их так и звали «чертознами»; не допускали мысли, что можно без помощи сверхъестественной силы *жить таким промыслом, который не зависит от заводского начальства*» [4:III-38].

Главной особенностью горнозаводского жизненного уклада на Урале был его «промежуточный» характер – полурабочий-полукрестьянский образ жизни. От крестьянской организации жизни горнозаводской мир унаследовал тесную связь с народным календарем, с природным и земледельческим циклом. Как известно, крестьянская культура стремится оставаться устойчивой системой. Отличительными чертами городской культуры являются высокая динамика, наличие модернизированных элементов. Говоря о народной крестьянской культуре, прежде всего отмечают ее надындивидуальный характер, каноничность форм, транслирующихся практически в неизменном виде. Городскую культуру связывают с ярко выраженным индивидуальным началом человека, с представлениями о самовыражении и самопроявлении. Горнозаводской культуре свойственны обе эти характеристики: сохранение традиционных форм жизни в сочетании с проявляемой индивидуальностью человека. Изучая вопрос о проникновении элементов собственно городской жизни в горнозаводской уклад, И. Я. Мурзина приходит к выводу о том, что «горнозаводская культура является особым (региональным) типом культуры, тесно связавшей традиционно крестьянскую и собственно городскую ветви, устойчивость со способностью и своеобразной настроенностью-восприимчивостью к новому» [5:77]. Рассматривая особенности горнозаводской культуры, следует подчеркнуть, что при всей своей «промежуточности» этот специфический тип культуры был отнюдь не маргинальным, но целостным в своей разнородности. Возможно, одной из причин целостности и органичности горнозаводской культуры явилась опора на устойчивую систему ценностей, сформированную традиционной народной культурой. «По сути дела, – пишет И. Я. Мурзина, – мы имеем дело с ситуацией, когда на отдельной территории сформировались особые формы культуры, несколько отличные от общероссийских, связанные с другими устоями жизни и способами хозяйствования, с бережно хранящимися образами допетровской Руси, со своими способами коммуникации... *Этот сложившийся тип культуры можно с полным правом назвать региональной культурой внутри общероссийской*» (курсив И. Я. Мурзиной) [5:79-80].

Думается, своеобразие горнозаводской жизни определяется следующими параметрами:

1. *Соревновательность* как принцип, организующий трудовую деятельность, духовную и бытовую жизнь рабочих. Принцип соревновательности сопровождает жизнь человека с детства до старости. Так, в автобиографической повести «Зеленая кобылка» читаем: «Мы предлагали Петьке: «Давай я понесу», но он важничал, напоминал, что это он

увидел и поймал кобылку. «Вот хвастун! Еще бы не поймать, коли мы ее оглушили! *Задастся теперь. Да мы такого барахла сколь хочешь наловим*»... Не сговариваясь, мы с Колюшкой бросились ловить кобылок» [4:III-76–77]. Принцип соревновательности организовывал жизнь не только рабочих, но и других жителей горнозаводского поселка: «*Не чужды были этому щегольству и заводские женщины*. Многие из них старались показать, что они живут хорошо – «крупчатошный едят». *Желание щегольнуть друг перед другом* особенно было видно в обеденную пору... Взвиживание, хихиканье и *взаимная слежка у женщин...* В «огневой» не заработать белого куска считалось зазорным. И многие дома голодали, чтобы только «на людях» показать кусок получше. Верхом женской заботливости считался рыбный пирог» [4:III-26]. Приведенные примеры позволяют утверждать, что в рабочей среде существовала идея о достойной жизни. Рабочая этика сформировала некое представление о норме, в которую входили обед с белым хлебом, «платье погородски», «занавески на окнах хибарки» и т. д. Считалось обидным, недопустимым не выдержать нормы. Нищета в рабочей чреде признавалась стыдной, «засорной». Таким образом, общественное мнение как проявление принципа соревновательности выступало регулятором рабочих, бытовых, семейных отношений.

2. *Кульτ физической силы.* Заводская работа рассматривается как одно из самых тяжелых физических испытаний для человека, как невыносимый, каторжный труд, поэтому особенно ценной оказывается способность человека сохранить себя – как в физическом, так и в онтологическом смысле. Наиболее репрезентативная картина демонстрации физической силы представлена в сказе «Широкое плечо» – речь идет о бое «стенка на стенку». При этом организующим началом также является принцип соревновательности, в данном случае соревнующиеся стороны – представители разных профессий и жители разных концов деревни: слесарский конец, ямской конец: «*Нашим заводским обидно было, что ямщина да лабазники этак с мастеровыми обходятся...* До того дошло, что хоть от бою отказывайся. *Опять же перед народом зазорно*, а молодым пуще того неохота неустойку перед женским полом показать» [4:II-158]. Конечно, сила нужна рабочему отнюдь не для забавы. Наличие физической силы означало возможность получения работы, следовательно, в семье должен появиться достаток. Физическая сила, таким образом, означала основу благополучия в рабочей семье.

3. *Рабочая династийность, преемственность в передаче ремесла* сопряжена с лейтмотивом семьи: во-первых, это поддерживает уровень развития «каменного дела»; во-вторых, актуализирует значимость внутрисемейных связей. Помимо того, нередко передача ремесла по наследству становилась единственным способом приобретения подростком профессии: «Стать хорошим слесарем, токарем, модельщиком можно было только при условии, если кто-нибудь из старших рабочих внимательно следит за работой начинающего и дает ему необходимые указания. Если этого не было, то выходила лишь порча материалов, за которую обыкновенно подростка «выгоняли»... Эта особенность выучки давала возможность попадать в механическую или столярную лишь тем ребятам, у которых там имелся какой-нибудь близкий человек: отец, старший брат. *В силу этого профессии слесарей, токарей, зубильщиков, краснодеревцев, модельщиков считались привилегией сравнительно немногих заводских семейств*» [4:III-63]. Как отмечает В.В. Блажес, «крепостной рабочий осознавал, что трудовой опыт – единственное богатство, принадлежащее ему и только ему, это единственная ценность, которую он может оставить своим детям. Поэтому рабочий стремился приумножить и сохранить в тайне секреты трудового мастерства, даже унести их с собой в могилу, но не передать другому человеку. Опыт передавался только своим сыновьям или, если их не было, родственникам – здесь лежат истоки традиции заводского семейного воспитания и начало рабочих династий» [6:44].

4. *Устоявшиеся формы регулирования социальных отношений* имели узколокальный характер. Как мы уже отмечали, общественное мнение выступало главным регу-

лятором рабочих, бытовых, семейных отношений. Одной из форм социального протеста, своеобразным регулятором социальных отношений была учь («Уральские были») – наказание мелкого заводского начальства, зверствующего в обращении с рабочими. П. П. Бажов отмечает, что «рабочие мирились с неизбежностью «жертвовать» не только тысячи пудов владельцу, но и сотни весовщикам... *Недовольство было лишь в тех случаях, когда кто-нибудь зарывался свыше всякой меры*, когда все видели, что за счет «привеса» и «примера» начиналась постройка домов, покупка выездных лошадей и так далее. *Тогда применялась «учь»* [4:III-29]. Таким образом, цель подобного наказания – устранить субъективные искажения, привести их к норме.

5. *Корпоративность* или, по словам П. П. Бажова, «*привычка к коллективному труду*». Изготовление любой продукции в заводском производстве распадается на ряд операций, поэтому рабочие завода составляют «совокупного рабочего» (А. С. Черкасова), единое целое. Принцип корпоративности не только организует заводскую деятельность рабочих, но и распространяется на бытовую жизнь человека. В частности, во время покоса рабочие объединялись в группы: «Радость коллективной работы как-то особенно выпукло выступала в это время. Вечером любой покосный стан представлял собою картину дружной рабочей семьи, веселой без кабацкого зелья» [4:III-65].

6. *Статусность, субординация рабочих* проявляется на двух уровнях: во-первых, это статус профессии (одни заводские работы сложны и требуют высокой квалификации, другие – проще и не требуют ее) и, во-вторых, статус в профессии (герой сказа «Живинка в деле» Тимоха Малоручко приходит к осознанию того, что даже в работе угольника можно достичь вершин мастерства).

В цикле очерков «Уральские были» П. П. Бажов предлагает социально-производственную типологию жителей горнозаводского поселка. Несмотря на то, что предложенная П. П. Бажовым классификация выполнена на локальном (и даже узколокальном) материале – речь идет о жизни Сысертского округа конца XIX – начала XX вв. – предложенная типология применима ко всему региону, что, кстати, отмечает и сам автор: «*Многое* из этой жизни, как я потом убедился, *было типичным для всего горнозаводского Урала* (выделено мною – Е. Х.), поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией» [4:III-6].

Характеристику горнозаводского населения П. П. Бажов начинает с описания *владельцев заводов* (гл. «Бары») – Турчаниновых и Соломирских. Естественно, характеристика «барам» дается с позиции «партийной этики», поэтому господствующей тональностью является ироническая. Некоторая объемность оценки появляется за счет контаминации впечатлений, воспоминаний детского сознания и оценки взрослого. Сравним: «Нам, ребятишкам, было всегда очень интересно взглянуть на эту кавалькаду. Очень уж тут необыкновенные люди бывали. Тут и гусар в ярком костюме, вроде петуха, тут же какой-то необыкновенно вертлявый человек со стеклышком в глазу и огромным пестрым платком на шее...» [4:III-13]. И далее: «Развалины огромных оранжерей, где выращивались фрукты юга, были, пожалуй, самым подходящим памятником семейке Турчаниновых...» [4:II-14].

Образы *заводских управляющих* (гл. «Заправилы») также выполнены в иронико-сатирическом ключе. В оценке Палкина, Воробушка, «Кузькиного отродья» П.П. Бажов тенденциозен.

Далее П.П. Бажов переходит к характеристике рабочих и служащих. Начинается она с описания «основного заводского работника – мастера». П.П. Бажову действительно удается реконструировать тип уральского рабочего – смышленного, деловитого, самостоятельного, активного, любящего и умеющего работать.

Следующая группа – «*шаровка*» – это подростки в возрасте от 12-ти лет. В облике представителей этой социально-производственной группы автор подчеркива-

ет стремление «быть как взрослые»: «Шаровка» по своему костюму старалась не отличаться от взрослых... Матери тоже относились к ребятам, работавшим на фабрике, по-особому. Смотрели на них, как на взрослых, и исполняли некоторые ребячьи капризы» [4:III-25]. Далее П.П. Бажов переходит к характеристике *приказных* (гл. «Приказные»): «Всех служащих, начиная с управляющего и кончая самым маленьким канцеляристом, фабричные называли общим именем приказные или «приказея». Эта приказея делилась на несколько групп: *судари или начальство, присудари, шоша, кричные жомы*. Отдельно стояли *расходчики*, которых на всех пяти заводах округа неизменно звали собаками.

Следующая группа – «*заводские*» (гл. «Заводские»): «Заводскими назывались не просто жители заводских селений, а те, кто имел какое-нибудь касательство к производству заводов. Сюда входили и крестьяне, занятые на заводских работах... Наиболее многочисленные группы составляли «*руднишные*» и «*куренные*» [4:III-30]. В описании жизни этой группы П. П. Бажов акцентирует некоторую обособленность, «особость» жизни, поскольку основное занятие «заводских» – крестьянский труд, в силу чего «мастерко» «смотрел на них сверху вниз» [4:III-30].

Характеризуя рабочих, добывающих золото на прииске (гл. «Приисковые»), автор обращается к одному из таких приисковых людей – Стаканчику, который нашел огромный самородок и пропил его за два года. В описании Стаканчика и подобных ему «счастливейцев» актуализируются такие свойства человека как полное отсутствие расчетливости и желание «выпрыгнуть» из своего социального круга. Так же, как и в сказах, определяющим в гл. «Приисковые» становится мотив власти золота, его губительной силы. Сравним: «Одно время золотая зараза захватила чуть не поголовно население Полевого завода... Рыли где попало. Проедали последнее, а все не хотели «попуститьсь счастью» [4:III-34]. «Даже фабричные рабочие и заводские служащие втягивались в эту погоню за золотом... Жили впроголодь, а все-таки не хотели отказаться от мысли: «Только бы фортуно, – не слуга я больше Сысертским заводам» [4:III-36].

Следующая группа – *спичечники* (гл. «Спичечники и кустари») – работники спичечного завода. Труд спичечников был настолько вреден (разрушительно действовал на организм), что это вызывало сочувствие фабричных рабочих: «Работа у них хуже «огневой». Без нужды не пойдешь. Гнилая работа» [4:III-37]. В описании кустарей (кузнечное производство, слесарно-токарные мастерские) важным оказывается семейный характер организации производства. Отмечается, что по отношению к подросткам практиковался «*институт ученичества*».

Как мы уже говорили, в сознании носителя горнозаводской культуры все явления характеризуются через соотношение с заводским производством, поэтому в описании внешнего и внутреннего облика «*чертознаев*» более всего важна независимость этих людей от заводского производства. Кроме того, «жизнь в лесу накладывала особый отпечаток. Обыкновенно «чертознаи» избегали шумных праздничных сборищ, почти никогда не гуляли в кабаках и редко, а то и вовсе не показывались в церкви» [4:III-39]. Образы «чертознаев» – людей, обладающих «тайным знанием», способных выступить в роли посредника при общении с «тайной силой», появляются и в сказах П.П. Бажова (Семеныч – сказ «Про Великого Полоза», Кирила Талашманов – сказ «Золотоцветень горы»).

Социально-производственная типология жителей горнозаводского поселка завершается характеристикой *заводских стариков* (гл. «Старики»). В данном случае эта группа выделяется на основании не возраста, но неспособности выполнять тяжелую заводскую работу. В этой главе П.П. Бажов еще не говорит об «институте заводских стариков», их роли в заводском поселке. Закономерно, что здесь П.П. Бажов ограничивается описанием их занятий вне заводского производства.

Итак, социально-производственная типология жителей уральского горнозаводского поселка репрезентативна, она включает в себя разные группы населения. Объединяет их отношение к особому сложившемуся в регионе способу жизни, с которым они – и не только экономически – связывали свое существование.

Примечания:

1. Словарь современного русского языка. В 17 тт. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 4.
2. Шанский Н.М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.
3. Никулина М.П. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.
4. Бажов П.П. Сочинения в трех томах. – М.: Правда, 1976. тт. II, III.
5. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.
6. Литература Урала: Очерки и портреты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Изд-во Дома учителя, 1998.